

НОВЫЕ КНИГИ

С. Г. Пашков

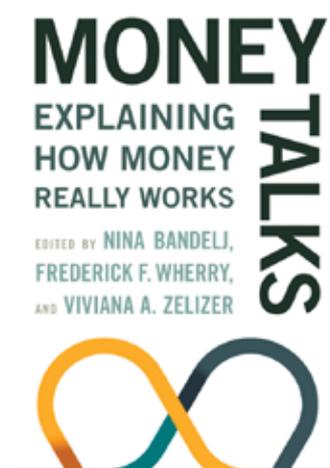
«Непростые деньги»: к вопросу об очередном пересмотре природы денег

Рецензия на книгу: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds) 2017. *Money Talks: Explaining How Money Really Works*. Princeton: Princeton University Press. 288 p.

ПАШКОВ Станислав Георгиевич — аспирант факультета социальных наук, стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, преподаватель кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: spashkov@hse.ru

Книга под редакцией Н. Бандель, Ф. Уэрри и В. Зелизер представляет собой серию статей, объединённых в коллективную монографию, и открывает читателю многосторонний взгляд на природу денег как систему смыслов и знаков, а также проясняет механизмы формирования и функционирования финансовых потоков и институтов. Актуальными становятся тенденции, связанные с активным распространением новых форм денег, не привязанных к конкретной финансовой системе, а также расширяющаяся практика потребления товаров и услуг, связанная с вопросами морали и этики. Перед авторами стояла задача пересмотра концептуальной рамки исследования денег, а основной целью было показать принципы функционирования денег в финансовой системе и в большей степени в системе социальных отношений. В пяти частях книги рассматривается концептуальная рамка, и в каждой приводятся социологические, культурологические, антропологические, исторические перспективы. Авторы 14 глав иллюстрируют связь своих тезисов с подходом Вивианы Зелизер, изложенным в ряде её известных работ, а сам анализ денег основан на предмете взаимозаменяемости (*fungibility*) носителей (*mediums*), функций и смыслов (*earmarking*) денежных единиц, понимания учёта финансов самими людьми («*mental accounting*»), влияния государства на этот процесс. Данная рецензия направлена на определение логики изложения материала книги с целью лучшего понимания теоретических и эмпирических принципов, изложенных в приводимых главах.

Ключевые слова: деньги; взаимозаменяемость; финансовые институты; целевое назначение; биткойн; банковские карты.

Почему снова стоит говорить о деньгах?

На сегодняшний день существует множество подходов к определению понятия «деньги». Об этом свидетельствует система аргументации [Smelt 1980] в профильных хрестоматиях (см., например: [Keister 2002]). Основной акцент сделан на разборе принципов функционирования денежных потоков и использования денежных носителей (*mediums*) в этом процессе, а также возникающих институтов и культурных практик. Обо всём этом написано

немало работ, и среди множества публикаций и монографий на данную тему можно выделить некоторые интересные кейсы (см., например: [Clark 2005]). Создаётся впечатление, что уже нельзя встретить принципиально новых проблемных ситуаций, либо при их возникновении мы естественным образом обращаемся к набору существующего «глубинного» знания и просто проводим «обновление» нашего понимания работы денежных инструментов.

Кажется поэтому, что появление книги Н. Бандель, Ф. Уэрри и В. Зелизер «Money Talks...» скорее необычно, нежели актуально. Безусловно, книга представляет собой уникальный источник много-стороннего взгляда на существование денег. Примечательно, что в предисловии авторы прямо заявляют о своей цели: сформировать монографию, основанную на глубоком пересмотре работы В. Зелизер «Социальное значение денег» [Zelizer 2017], для чего было проведено повторное осмысление всех аспектов, связанных с использованием денег в нашей жизни. По факту, перед нами некоторая новая дискуссионная площадка, созданная с целью «документировать многочисленные достижения в денежно-кредитном анализе и многообразии денежных форм» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 2]. Структура книги похожа на коллективную монографию, что позволило, во-первых, отразить разные экспертные точки зрения на один и тот же предмет; во-вторых, задать богатую мультипарадигмальную аналитическую рамку, а это очень ценно для читателей, впервые сталкивающихся с анализом природы денег. В центре внимания — поистине сложный «товар», которому не обозначают определённую смысловую и функциональную природу. На этом товаре завязана работа любых, не только базовых, экономик и финансов, что отражается на разных сторонах жизни общества [Jappelli, Pistaferrri 2010].

Читателю предлагается «поговорить» о деньгах в четырёх плоскостях — теоретической (с экономической и социальной точек зрения), исторической и антропологической, на уровне поведения людей и государственных институтов, с точки зрения форматов использования — цифровых и материальных. Для этого разговора предложены пять тематических разделов, соответствующих пяти частям книги: (1) «За пределами взаимозаменяемости» («Beyond Fungibility»), (2) «За пределами специальных денег» («Beyond Special Monies»); (3) «Создание денег» («Creating Money»); (4) «Оспариваемые деньги» («Contested Money»); (5) «Будущее денег» («Money Futures»). Во всех частях, кроме второй, по три главы (во второй части их две).

Если кратко обозначить суть каждого раздела, то первый знакомит читателя с ключевым объектом анализа — взаимозаменяемость (*fungibility*) денег с точки зрения социологии и экономики. Второй раздел посвящается обзору подходов и исследований, демонстрирующих роль неэкономической логики в понимании денежных инструментов, таких как кредитные деньги и деньги, «вращающиеся» на уровне предприятий. Третий раздел погружает читателя в историческую реконструкцию процесса создания денег в Новом свете, где возникли понимание и механизмы оборота денежных суррогатов, а также глобальных финансовых институтов. Четвёртый раздел описывает деньги в преломлении трёх социальных проблем: влияние денег на эмоции и чувства; связи между биологическими материалами и их денежным выражением; моральная сторона обмена благ на деньги. Завершающий книгу пятый раздел рисует читателю перспективу рассмотрения денег в эпоху экспансии цифровых технологий, где важное место занимает Bitcoin как функционирование новых моделей денежного оборота.

К достоинствам книги стоит отнести то, что все разделы представляют собой набор статей, в каждой из которых авторы стремились апеллировать к работе В. Зелизер «Социальное значение денег». Однако сам порядок разделов вызывает вопросы. Можно обратить внимание на то, что авторы монографии рассматривают историю появления денег в середине монографии (это третий раздел), хотя было бы логичнее начать с этого раздела. В рецензии предложено описание книги именно с исторической части, чтобы затем последовательно рассматривать все оставшиеся. В заключении приведены основные выводы и общая оценка монографии.

История о том, как «закалялись» институты денег

Итак, третья часть обзора называется «Создание денег» и посвящена не столько самим деньгам, сколько институтам, которые были необходимы для их выработки. Авторы глав, включённых в эту часть, Кр. Десан (глава 6) и Э. Хеллейнер (глава 8), представили интересную расширенную историческую справку о возникновении денег в том виде, в котором мы наблюдаем их в настоящее время. После прочтения этих глав у читателя формируется понимание *архитектуры* денег в масштабах обществ и государств.

В конце прошлого тысячелетия было принято решение использовать металлические деньги в качестве инструмента обмена благами [Konings 2011]. Длительное время предполагалось, что именно они будут служить не только «идеальным товаром», имеющим свою ценность, но и валидным средством её измерения. Кр. Десан приводит интересные факты, опираясь на исторический анализ развития денежных знаков в Англии и США XVIII–XIX веков. Любопытно, что предложенный ею «органический» подход опирается на позицию В. Зелизера: деньги в самом широком плане *не являются* взаимозаменяемым, безличным и однозначно определяемым инструментом. Конечно, люди склонны калькулировать стратегии и решения, возвышая деньги в качестве инструмента рационализации деятельности (о чём отчасти говорит Г. Зиммель [Зиммель 1999]), однако историческая перспектива показывает, что во многом «деньги не имеют внутреннего дизайна <...> поскольку общества меняют способ конструирования денег <...> их характер и рынок, который они создают» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 111]. С этой точки зрения предполагается, что деньги приобретают либо вырабатывают свою природу, выгодную многим институтам; например — государству, для которого деньги становятся не более чем стратегией управления экономической средой, сбора налогов и решения кредитных споров [Smelt 1980].

Однако история демонстрирует несколько иную логику (опять же согласующуюся с позицией Зелизера): деньги — не только фискальный инструмент (как средство для осуществления управления финансами), но и некоторый источник авторитета. Возникает значимый акцент на символической составляющей самих денежных знаков. Это было характерно для Англии XVII века: использование не только драгоценных металлов (чтобы не было возможности обесценить деньги путём чеканки из более доступных материалов), но и символизация авторитета власти на самих монетах¹. Так, читателю указывают на важное свойство денег — наличие символической компоненты, необходимой для «верификации» реальной стоимости самого денежного знака. Но тогда в какой момент появились бумажные деньги? К сожалению, Десан уделила этому не очень много внимания, но её мысль состоит в следующем: жители США в определённый момент времени столкнулись с прямым дефицитом денег, что приводило представителей локальной общности к новым практикам долговых обязательств. Стремление политических институтов к контролю оборота таких договорённостей привело к появлению векселей или бумажных кредитных расписок с их уникальным строением (дизайном, в терминах Десан), «подталкивая» к мысли о роли символизации практики реципрокного обмена [Schaniel, Neale 2000] в поддержании финансовой стабильности сообщества. Для США это было характерно в силу колониальной модели становления государства. С трудностями оборота металлических денег, пишет Десан, столкнулась впоследствии и Англия.

Но главный тезис Кр. Десан не только в этом. Возникновение банкнот как платёжных инструментов предопределило смену роли государства как источника прагматичной политики — с власти над инди-

¹ В данном моменте подразумевается, что чеканка монет с изображением монарха гарантировало существование однозначной трактовки «стоимости» денег, или, иначе говоря, наличие полновесного эквивалента для этих монет. В главе Кр. Десан этому моменту уделялось сравнительно небольшое внимание.

видом на гаранта его жизни². Политические институты получили возможность проводить учёт обмена благ хозяйствующими субъектами, укрепляя роль бумажных денег как средства платежа. Активную роль в этом процессе играли коммерческие банки. Возникает закономерный вопрос: как, собственно, управлять денежными потоками с помощью новой формы платежей? Кр. Десан весьма кратко упоминает тот факт, что первые вариации банкнот имели локализацию в пределах очерченных общностей. Складывается впечатление, что деньги должны, наоборот, потерять свою ценность из-за «многообразия» и большей доступности таких медиумов (по сравнению с монетами).

Тут целесообразно перейти к главе 8 и рассмотреть взгляд Э. Хеллейнера на политический аспект оборота печатных денег. Значительное внимание автор уделяет институтам власти и государственного управления и «продукту» финансовой деятельности в лице единого валютно-денежного пространства. Любопытно, что «выпуск денег и управление ими на протяжении всей истории были глубоко политизированы, потому что и то, и другое имело огромные последствия для распределения власти и богатства» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 146]. Поскольку и серебряные, и золотые деньги находились в некотором дефиците, а долговые расписки были весьма разнообразны по содержанию, форме (что влияло на степень доверия этому платёжному инструменту), можно было констатировать трудности в эффективном рыночном обмене между всеми индивидами (обществами). Это, собственно, и может рассматриваться как исходная линия рассуждений автора. История создания национальной валюты в США показывает нам любопытное подтверждение тезиса В. Зелизер в том, что связка политических и социальных ценностей, распространённых на территории страны, способствовала переходу жителей от выпущенных векселей (локализованных вариаций финансовых чеков) к выработке универсальной, наиболее распространённой валютной единицы – банкнот, которые должны быть «равны золоту на [любой] территории» их распространения [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 148]. Правда, за это приходится жертвовать *идентичностью* институтов финансовых транзакций, выработанных на уровне локальных сообществ в виде национальных векселей и долговых расписок, а также разрушить некоторые практики оборота займов и налогов³.

Другой важный тезис заключается в том, что риски дефицита биметаллических денег потенциально приводили к серьёзным нарушениям финансовых институтов. Необходим был такой согласованный различными социальными группами аргумент, который решал бы эту проблему. Одним из них стала концепция мировой монетарной системы (*англ.* Global Monetary System) и Бреттон-Вудского соглашения (отметим, что речь в данной главе уже идёт о XIX — середине XX веков). На наш взгляд, автор главы представил отчасти ёмкое описание создания и работы этих двух моделей, уделяя больше внимания тезисам экономиста Карла Поланьи. Эта фигура возникает в тексте достаточно неожиданно. Однако Хеллейнер заимствует у Поланьи видение роли золотого стандарта как источника коммодификации денег, показывая читателю на историческом опыте, как для политических и финансовых институтов был характерен переход к «фидуциарным деньгам» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 153] — денежным эквивалентам, обеспеченным установленными государствами тарифами на золото. Согласно позиции автора, это способствовало выработке единого вектора оценки ценностей, а «стоимость монеты стала зависеть от надёжности эмитента или перспективы обмена на золото у этого эмитента» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 154]. Бреттон-Вудское соглашение было призвано наладить институт международных финансовых транзакций и т. д. Установлению стоимости способствовали государственные центральные банки и их функциональная роль в отслеживании оборота денежных масс.

² Важно оговориться, что не само государство, конечно, отвечало за кредитные гарантии. По большей части это всегда делали коммерческие банки. Однако непосредственный контроль над финансовыми потоками был прерогативой институтов власти.

³ Э. Хеллейнер не поднимает вопрос о том, как изменения в способах оплаты товаров и услуг с помощью векселей и долговых расписок связаны с исчезновением необходимых для этого культурных практик и институтов. Можно предполагать, что это потребовало бы написания отдельной, специальной главы.

Между главами 6 и 8 находится статья Д. С. Греваль «Рыночный мираж» («Market Mirage»), в которой описывается принцип выражения денег в качестве «нейтральной» сущности. Эта глава несколько «выбивается» из общей линии повествования раздела, хотя предлагает читателю некоторые полезные тезисы. К примеру: рынок — это некоторое «гомогенизированное, инструментальное отражение социальной жизни» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 134]. Для Греваль было важным уделить внимание анализу понимания Аристотеля и св. Августина экономических и финансовых действий человека. Вдобавок автор главы неявно открывает предысторию возникновения экономического анализа рынков, без которого невозможно понять смысл «рыночного миража».

«Специальные» деньги в жизненных практиках

За последнее десятилетие мы стали свидетелями самых разных ситуаций в экономике и финансах. Определённую роль в этих ситуациях играют денежные массы. Например, рост уровня инфляции, цен на товары и услуги [Nikolić 2000], курса национальной валюты, увеличение ВВП страны [Kathuria, Sabat 2020], изменения в структуре доходов и расходов населения [Jappelli, Pistaferri 2010]. Что это значит? В первую очередь то, что разные институты имеют разное видение денег, которые могут быть выражены в виде больших объёмов ВВП или же в качестве небольшой прибавки к пенсии. Нужно сказать, что в разделе «За пределами взаимозаменяемости» (часть I) читателю открывается доступ к критике экономической логики о взаимозаменяемости денег — «мантры» неоклассической парадигмы. «Доллар как доллар» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 25] — выражение, которое обозначает «очевидность» денег как они есть, что не совсем верно, указывает В. Зелизер. Их «взаимозаменяемость»⁴ противоречива. Возникает закономерный вопрос о внутренней силе денежных единиц, моделях маркирования денег. Опорный тезис авторов глав: не существуют деньги как единое и неделимое, а есть «специальные деньги» (*англ.* special monies).

В первой главе Дж. Мордух обращается к критике экономического подхода для оценки однородности денежных систем (более широко — финансовых инструментов). Уместно обратиться к работе Ж. Гастингс и Дж. Шапиро [Hastings, Shapiro 2013] — качественному примеру экономического решения «большой проблемы оптимизации» потребительского выбора при условии «взаимозаменяемости денег»⁵. Эконом-социологическая парадигма, отмечает Мордух, позитивна в том плане, что позволяет отойти от дискретных экономических суждений и сфокусироваться на невидимых сторонах распоряжения деньгами, а также на аргументах, которыми руководствуются люди при их маркировании. Исследование Гастингса и Шапиро подтверждает важный тезис⁶ о том, что деньги (в понимании единой системы ценности) едва ли возможно полноценно измерить и подтвердить в эконометрических моделях. Важны описания жизни людей с их предпочтениями и социальной средой, где происходит «рождение» процесса выделения денег по разным задачам. В главе этому уделяется отдельное внимание. Приведены два сюжета обследования финансового поведения двух домохозяйств, из которых очевидна уязвимость аргументации экономистов в вопросе о роли домохозяйства в централизованном управлении денежными потоками⁷. Мордух обращает внимание на то, что поступающие в домохозяй-

⁴ Согласно экономическим словарям, термином *fungibility* обозначается процедура расчёта денежными средствами, которые под эти транзакции не были предусмотрены. Предполагается, что в этом случае ценностные и инструментальные свойства денежных средств не меняются.

⁵ Под проблемой оптимизации понимается ситуация, основанная на принципе «доллара как доллара». По мнению В. Зелизера, в этом случае существует «мало возможностей для целевого выделения и дифференциации потоков доходов по социальным значениям» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 25].

⁶ Мы обращаем внимание на это исследование, потому что оно в концептуальном плане опирается на разработки В. Зелизера, а также Д. Канемана и Р. Талера [Kahneman, Thaler 1991].

⁷ В главе описана жизнь двух домохозяйств, которые, как можно предположить, оказываются в ситуации экономической либо социальной депривации. В первом случае супруга, находящаяся в тюрьме, проявляла «нерациональное» экономи-

ство доходы перераспределяются согласно представлениям людей о том, для чего эти доходы *должны предназначаться*. Извне начинает играть роль социальный контекст, а изнутри — ценностная и эмоциональная конфигурация отдельного человека экономического.

О ролях денег более подробно пишется во второй главе, где Н. Бандель и её соавторы переходят от чисто экономической аргументации невозможности взаимозаменяемости денег к парадигме психологической экономики и в первую очередь экономического бихевиоризма, а основной фокус дискуссии выстроен вокруг проблемы «избавления» от различных денежных сумм. И снова можно прочувствовать напряжение между экономической логикой, едва ли допускающей такую модель поведения, и психологическими характеристиками людей, поскольку, как пишут авторы, «моральные суждения и эмоциональные основы <...> тесно переплетены и подкреплены прагматикой» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 25]. Взаимозаменяемость денег критикуется через тезис о существовании особых «ментальных учётов». Им уделяется основное внимание в главе. Через описание серии экспериментов читателю указывают на значимость когнитивных схем и «настроений» в смене экономического поведения индивида. В частности, констатируется склонность оценивать выше то благо, которое индивид боится потерять, а пользователи электронными банковскими картами оказываются более предрасположены к повышенным тратам. Это хорошо демонстрируется в исследовании Ч. Хита и Дж. Солла [Heath, Soll 1996], а также других авторов [Antonides, Groot, Raaij 2011]. Ещё один важный момент — как люди жертвуют на благотворительность; как связана с этим борьба эмоций, ценностей и предпочтений. Приведённые в главе эксперименты показывают, что влияние некоторых общественно разделяемых принципов (например, помощь сиротам, спонсирование деятельности благотворительных организаций) позволяет индивиду «легче» расстаться с деньгами, а значит, эмоции могут служить центральной мотивацией для благотворительности [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 50]. Выделяется в главе и вопрос *ожиданий*, который действительно важен, потому что «люди делают свой выбор, основанный на предполагаемом удовольствии <...> но они часто *переоценивают это удовольствие*, что обусловлено их аффективными предсказаниями» [Wood, Bettman 2007]. Акцент лишь на частном (эмпирическом) случае психологии денег является, скорее, недостатком данной главы.

Третья глава первой части переносит читателя с абстрактных и социально распределённых контекстов к более локальным, формируемым в межличностном взаимодействии индивидов. Ф. Уэрри вводит в аргументацию понятие «системы бухгалтерского учёта» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 59], чтобы показать, как использование денег укоренено в культурных практиках. Основное внимание Уэрри уделяет потребительским ритуалам и культурным практикам, которые, следуя логике предшествующих глав, вновь демонстрируют склонность индивидов к нерациональному поведению. Особенно ярко это проявляется при обсуждении культурно-финансовых ритуалов вроде шопинга перед Рождеством или акций «Чёрная пятница» [Smith, Raymen 2017]. В целом сделан акцент не на самой практике потребления, а на домохозяйствах (индивидах), которые организуют и воспроизводят эту практику (осуществляя, например, построение системы бухгалтерского учёта). Уэрри отмечает: «Люди используют свою озабоченность по поводу правильных поступков, избегания моральных ошибок» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 63]. Индивиды стремятся накопить больше денежных средств, а также *вовремя* их потратить. Время становится важным условием оборота денег. Принятые в обществе культурные системы и схемы действия позволяют очертить границы событий так, чтобы к их усвоению (потреблению) подойти с максимальной пользой. К слову, это можно считать обратной, «неэкономической» логикой в противовес импульсивным либо эмоциональным переживаниям, что и донесли авторы исследований во второй главе⁸.

ческое поведение, отдавая часть полученных от супруга денежных передач на помощь другим людям, что не могло не быть согласованным внутри этой семьи.

⁸ Когда мы говорим, что мораль и система смыслов имеют значение, мы имеем в виду, что свойства, существующие до и за пределами финансового решения, структурируют его и проявляются как существенные в момент принятия решения. Действительно, вне непосредственной бухгалтерской ситуации находятся интерсубъективные логики, которые помога-

«Целевые деньги» в финансовых практиках

Важным преимуществом книги является привязка к тезису «множественности» денег, что позволяет читателю более плавно перейти от темы специализации денег в ежедневных практиках людей к более абстрактной теме функционирования денег в экономике. Примером такого перехода является *финансовый инструмент* — строительный материал любой финансовой системы, хоть и в значительной степени «безличный» и однозначно определяемый в обществе. Экономические рецессии и кризисы усиливают своё пагубное воздействие на здоровье финансовых инструментов (кредитов, деривативов и т. д. [Arradurai 2016]) и выстраиваемых вокруг них институтов (например, институт возврата обслуживаемого ипотечного долга [Rundo, Di Stallo 2019] или оздоровления экономики [Ажуров, Kurilova, Kovalenko 2015]). Как это связано с книгой? В процессе чтения второй части «За пределами специальных денег» читателю рисуют ещё одно пространство, которое представляет определённый интерес и значимость, — это область «рыночных денег», которая возникает на уровне отношений не индивидов, а уже институтов (банков, организаций, государств) и характеризует более отдалённые от материальной сущности представления о денежных ценностях. Более значимую роль играют институциональные отношения [Gorton, Winton 2003].

Из второго раздела становится ясно, что подобные «вещи» оказываются далеко не формализованными, сильно завязанными на социальных отношениях. Акцент автора четвёртой главы — Б. Каррутерс — сделан на двух финансовых инструментах, однозначно интерпретируемых в мировой финансовой системе — это *кредиты* и *деривативы*. Они удивительно схожи по смыслу и влиянию на финансы, но нацелены на разную целевую аудиторию. Автор, впрочем, пишет не столько о самих кредитах, сколько об институтах, которые пытаются, с одной стороны, удерживать формальную структуру внутри этих инструментов, а с другой стороны, порождают даже больше смыслов и практик, чем «специальные» деньги⁹.

Как рассматривает автор эти два центральных понятия в четвёртой главе? Любопытно мнение автора о том, что кредиты оказываются более распространёнными среди людей, нежели банкноты. Впрочем, Б. Каррутерс констатирует, что они играют неоднозначную роль в финансовой системе, потому что являются определённым логическим продолжением современных денег, которые могут рассматриваться в качестве гарантий поддержания со стороны политических институтов соответствия установленной меры стоимости (ценности) напечатанным символам на денежных носителях. Но деньги являются также и средством установления общей покупательской способности [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 77] человека или государства. Кредиты, к сожалению, не могут по архитектуре своей считаться таковыми, потому что их задача — отражать суть функции поддержания института взятия, «отработки» и погашения возникшего долга между сторонами [Rundo, Di Stallo 2019]. В процессе формирования кредитного займа долг может восприниматься как некоторая сумма «целевых» наборов денег. Для оборота этого долга финансовым институтам нужно вырабатывать комплекс эвристик, узнать достаточно много о заёмщике для получения гарантий и рисков. Всё это — часть процесса оценки (*скоринга*) заёмщика, необходимого для того, чтобы быть уверенным в том, что деньги, выделенные на определённые нужды и цели, будут возвращены в срок и в требуемом объёме [Elsas, Krahn 1998]. Требуется «выработка» институтов, определения санкций и преференций при осуществлении этой оценки¹⁰. Схожая ситуация и в отношении *финансовых деривативов* — форм финансовых соглашений, чаще наблюдаемых на уровне фондовых, экономических рынков между фирмами и другими институтами. Однако описание

ют человеку понять, что ему следует учитывать и как социально значимые другие могут отреагировать на его методы бухгалтерского учёта (или их последствия).

⁹ Некоторые из приведённых далее тезисов также прослеживаются в серии глав третьего раздела монографии.

¹⁰ Нечто схожее можно увидеть в третьей части книги, где описана история распространения векселей в США.

связи деривативов с рассматриваемым вопросом у Каррутерса выглядит несколько размыто, в связи с чем предварительно можно ознакомиться с работой А. Аппадурай, в которой этот аспект раскрыт наиболее полно [Appadurai 2016].

Автор пятой главы — С. Полилло — идёт ещё дальше, поднимаясь к «высоким финансам», которые функционируют на уровне производства и деятельности организаций. На передний план выходят «промышленные» (*industrial*) деньги, «деловые» (*business*) деньги, а основной вопрос направлен на природу капитализации организаций [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 89]. Деньги в процессе предпринимательской деятельности представляют собой отражение бухгалтерских отчётов, контрактных отношений, вопросов издержек и неустоек, а также значимого влияния неопределённости на рынке. Но, как справедливо отмечает автор этой главы, В. Зелизер в своих работах уделила внимание преимущественно восприятию множественности денег среди простых людей. Язык предпринимательства и производства, напротив, должен быть не только формализован, но и в определённой степени однозначен, чего можно достичь только при *грамотном планировании*. Откуда эта логика берётся и какую роль в этом играют деньги, Полилло проясняет на основе концептуальной рамки, выработанной такими мыслителями, как Т. Веблен, в частности имеется в виду его теории деловых предприятий [Ganley 2004]. В целом глава более сфокусирована на внимании к онтологической стороне производственных и деловых денег и более размыта в отношении капитализации фирм. Однако ближе к концу главы автор формулирует ряд принципиальных тезисов, которые оказываются полезны для понимания коренных различий между промышленными и деловыми деньгами. Во-первых, по мнению С. Полилло, любому предпринимателю важно достижение оптимального равновесия между расходами и прибылью. Для промышленности капитализация и соответствующее применение денежных единиц определяются в первую очередь вопросами эффективного планирования, координации и совершенствования производства [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 92]. В этом есть своя логика: без тщательного планирования и регулирования деятельности отделов (цехов) возрастает риск потери денег, которые необходимы для поддержания здоровья фирмы. Для промышленности, отмечает Веблен, характерна укоренённая практика «двойной бухгалтерии», позволяющая поддерживать валидность прошлых денежных транзакций фирмы для чёткого понимания своих возможностей в будущем. Ориентация на приход, расход и прибыль не совсем подходит для мира предпринимательства. «Деловые» деньги, по мнению Полилло, обладают способностью выступать в роли индикатора здоровья рынка, его потенциала; им также отводится роль измерения этих возможностей. К слову, мы склонны разделять это мнение, и в качестве подтверждения его справедливости можно привести многочисленные свидетельства попыток оценки той или иной ниши в денежных единицах (например, оценка рынка кофе в млрд долларов США). Для промышленных денег соответственно значимы вопросы инвестиции и прибыли. Это позволяет понять, почему, к примеру, все эти оценки ориентируются на *будущее*, в то время как расходы на производства оцениваются в *прошлом*. Таким образом, для автора главы принципиально важно показать, что капитализация рынка и фирм имеет значение: здесь деньги также пересекаются с системой смыслов и интерпретаций.

Многообразие форм денег как частные случаи их множественности

Несмотря на превалирование теоретических рассуждений в рассмотренных главах, в коллективной монографии всё же присутствуют две крупные темы, которые читатель может рассматривать в качестве прикладных контекстов. Н. Бандель и её соавторы сделали ставку на рассмотрение денег с точки зрения этики и морали (см. часть IV «Оспариваемые деньги») и обсуждение проблемы приватности финансовых транзакций в настоящее время при использовании цифровых денег (см. часть V «Будущее денег»). Можно сказать, что авторы соответствующих глав дополнили концептуальную рамку наиболее актуальными и действительно проблемными темами. В отличие от предыдущих глав книги, тексты в частях IV и V более органичны, их проще анализировать, в них чётче виден основной тезис авторов.

В разделе «Оспариваемые деньги» освещается одна из наиболее болезненных тем — взаимоотношение денег и человеческого тела во многих его проявлениях. Сделан акцент на проблемах суррогатного материнства, оценке человеческого тела и вопросах построения социальных связей с помощью денег. Логика объединения глав в один раздел понятна: авторы затрагивают в первую очередь вопросы этики и морали, а также работы социальных и культурных институтов. Несмотря на то что эта часть книги уже привлекала внимание рецензентов (см., например: [Plater 2019]), мы хотели бы отметить некоторые моменты, представляющиеся нам важными. Во-первых, следует понимать, что для многих социальных групп характерно присутствие институтов, регулирующих некоторые практики «потребления» тела, что и описывается А. Хоксчайлд в главе 9 [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017]. Рассматриваемая автором в качестве источника эмпирического исследования Индия вдвойне ценна тем, что позволяет проследить работу экономической логики и вопросов культурного и эмоционального значений (см. подробнее: [Pande 2014; Appadurai 2016]). Что любопытно — это своеобразное подтверждение выводов главы 3 о том, что эмоции являются очень сильным агентом влияния на рационализированные экономические решения. На примере суррогатного материнства в Индии показывается, как эмоции и деньги «борются» за право принятия стратегических и «рациональных» решений. Нечто похожее можно наблюдать и в главе 10, где также анализируется проблема коммодификации тела (см. подробнее: [Sharp 2000]), но с фокусом на донорстве репродуктивных материалов. Р. Альмелинг стремится показать, что для женщин характерна позиция донорства как некоторой потребности в оказании помощи с акцентом на эмоциональной и моральной составляющих, в то время как для мужчин это было по большей части похоже на выполнение некоторой оплачиваемой работы с соответствующим акцентом на товаре и клиент-ресурсных отношениях.

В пятой части книги, которая называется «Будущие деньги», обсуждается роль безналичной формы оплаты в практиках потребления и финансового поведения людей. Но, объединяя три главы этой части, можно сформулировать ещё одну, более глубокую, проблему безналичных денег: приватность потребления и неустойчивость внутренней сущности денег при переходе в цифровую форму. А. Гусева и А. Рона-Тас представили в главе 12 краткий, но очень системный подход к пониманию природы банковских карт. Читателю важно знать, что появление электронных денег было возможно только по достижении определённого уровня технологического прогресса. Это дало деньгам «новую социальность» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 203] и расширило горизонты пользования, стало возможным совершать покупки с помощью мобильных устройств и через Интернет [Kremers, Brassett 2017]. Одновременно с этим контроль государственных институтов за транзакциями владельцев безналичных карт и счетов для оплаты только усилился. И А. Гусева, и А. Рона-Тас попытались показать читателю, что современные деньги (бумажные и электронные) перестали быть безличными; цифровая же форма стала активнее внедряться в личное финансовое пространство людей, одновременно с этим теряя связь с материальным представлением о стоимости и меняя практики распределения денежных потоков внутри домохозяйства. Побочный эффект такого вторжения — возможность и стремления политических институтов, коммерческих банков знать о предпочтениях, доходах и расходах своих граждан в больших масштабах.

Читателю может быть полезна глава, в которой Б. Маурер рассказывает об истории появления передового поколения цифровых денег, куда входят технологии создания цепочек цифровых блоков (*блокчейнов*) [Treleaven, Brown, Yang 2017] и криптовалюты (выделяется наиболее известная вариация — монета «биткойн» (англ. *bitcoin*)). Ключевым и принципиальным отличием этих денег от классических является принцип, который отлично сформулирован Маурером: «Монеты нет, только бухгалтерия. Нет центрального органа, выпускающего валюту. База данных, содержащая бухгалтерскую книгу, поддерживаемую с помощью вычислений, конкуренции и консенсуса» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 220]. Автор главы подробно проясняет содержательную сторону работы этой криптовалюты и одновременно констатирует её некоторую схожесть с историей возникновения первых «новых денег» в США, что

описано в главе 6 книги. Биткойн, как и банковские карты, породил несколько принципиально новых процессов: (1) шаги по созданию максимально отдалённой от материальной сущности денежной массы, не привязанной ни к одному определённом национальному финансовому институту и стремящейся к максимальной анонимности; (2) тенденция по созданию валюты, которая будет функционировать не столько на экономических началах, сколько на социальном маркировании всего, что должно подлежать оцениванию; (3) всё более возрастающая потребность в фиксации событий, которые уже прошли, и их невозможно изменить в будущем.

Заключение: так что же такое деньги?

Прочитав книгу, по-прежнему сложно сказать, что же такое деньги. Это и всё, что должно иметь эквивалентную стоимость, и в то же время источник смыслов человеческой деятельности, и инструмент извлечения максимальной полезности, и причина возникновения острых социально-экономических конфликтов. Авторы всех глав с помощью самых разных примеров, используя многообразные логики, постарались убедить читателя в том, что ни одна денежная единица ни в каком виде не может быть исключительно *средством платежа*. Этот товар обладает одновременно и автономией к человеческим эмоциям, и некоторой властью над потребительскими решениями индивидов. Складывается впечатление, что как бы ни менялись деньги, люди не перестанут ранжировать их, делить по функциональным признакам, отрицать либо вырабатывать. Мы считаем, что новые деньги возникают во многом благодаря накапливаемому социальному давлению (как в случае с цифровыми формами), а также социальным вызовам, требующим проводить избирательную политику использования денег (как в случае с эмоциями, культурой и проч.).

Прекрасным завершением книги может считаться глава 14, написанная Н. Доддом, в которой автор задаётся вопросом, в чём проявляется социальная сторона денег. Он справедливо замечает, что люди мало говорят о внутренней природе денег, а больше обращают внимание на их видимую часть — форму и стоимость. А между тем «вопрос о том, кто оплачивает счёт в случае банкротства банков, касается самой сути проблемы, как общество организывает свои деньги, поднимая серьёзные темы о власти, свободе, справедливости и законе» [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 233]. Н. Додд называет новое видение денег *утопическим* в том смысле, что становится достаточно сложно проследить прямую зависимость напечатанных или цифровых денег от эквивалента в золоте. Исторический анализ, впрочем, показывает, как сильно деньги трансформировали вопрос потребления и рационального выбора. Благодаря деньгам мы можем переживать различные эмоциональные состояния. Одновременно с этим мы полагаем, что деньгам присущ такой аспект, как регулирование социальной реальности, выработка культурных институтов и системы санкций, а также решение более общих проблем вроде неравенства, безработицы и т. д. [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 237]. Примером утопических денежных систем Додд называет национальную валюту Европейского союза, поскольку, по его мнению, Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. выявил проблему консолидации политической, управленческой логик обеспечения стабильности и экономической, финансовой. Биткойн, по его мнению, должен был решить эту проблему, став, скажем так, над государственным управлением. Но, пожалуй, и эта концепция вполне утопична по той причине, что контроль на основе доверия без дополнительных ограничений (институтов) может потенциально испортить оценку стоимости чего-либо как таковую. Процесс же накопления ценности цифровых монет системы Bitcoin (через процедуру так называемого майнинга [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017: 219]) плохо согласуется с идеей обесценивания валюты.

Книга, конечно, не лишена недостатков. Самый важный из них связан с моделью объединения глав в монографии. Представленные пять разделов, или частей, выглядят в большей степени как обособленные истории одной темы, отчего несколько теряется целостность картины. Вдобавок книга была написана в тот момент, когда некоторые формы денег претерпели коренные изменения. Например,

в настоящее время криптовалюты перестали быть объектом повышенного внимания после периода структурных падений в стоимости (ценности) электронной монеты Bitcoin и его аналогов [Lawrence, Mudge 2019], а банковские карты стали активно доминировать во многих странах, в том числе в России. Для нас некоторым разочарованием стало то, что в контексте разговора об эмоциях и моделях рациональных решений не проведена никакая параллель с «настроениями» (*sentiments*), хотя Н. Бандель во второй главе упоминает некоторые позиции поведенческой экономики и отчасти работает с концептуальной схемой Каннемана и Тверски, а также Талера. Читателю рекомендуется дополнительно поработать с парадигмой психологической экономики (изучив, к примеру, работу Г. Кассарджяна [Kassarjian 1982] либо Д. Каннемана [Kahneman 2003]) и проанализировать природу потребительских настроений (*consumer sentiments*) в контексте условной зависимости между впечатлениями людей от экономической ситуации и активности оборота денежных масс на потребительском рынке [Malgarini, Margani 2007]. Существует эмпирическое свидетельство в пользу того, что именно потребительские настроения могут служить лучшим сигналом к интенсивности циркуляции возобновляемых кредитных денег в финансовом секторе [Lamdin 2008], что лишний раз подкрепляет идеи Каррутерса о природе кредита в целом. Всё это поможет лучше понять принципы, заложенные в первой части книги и её трёх главах.

Данную книгу можно порекомендовать всем, кто желает разобраться в единой системе координат, связанной с деньгами, и стоящими за ними социальным, культурным и экономическим институтами.

Литература

- Зиммель Г. 1999. Философия денег (фрагмент). В кн.: Филиппов А. Ф. (сост., отв. ред., перев.) *Теория общества*. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле; 309–383.
- Ajupov A. A., Kurilova A. A., Kovalenko O. G. 2015. Financial Recovery Organization on the Basis of Cash Flow Management. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 6 (3): 710–713.
- Antonides G., Groot I. M. de, Raaij W. F. van. 2011. Mental Budgeting and the Management of Household Finance. *Journal of Economic Psychology*. 32 (4): 546–555.
- Appadurai A. 2016. *Banking on Words: The Failure of Language in the Age of Derivative Finance*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds). 2017. *Money Talks: Explaining How Money Really Works*. Princeton: Princeton University Press.
- Clark G. L. 2005. Money Flows Like Mercury: The Geography of Global Finance. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 87 (2): 99–112.
- Elsas R., Krahn J. P. 1998. Is Relationship Lending Special? Evidence from Credit-File Data in Germany. *Journal of Banking & Finance*. 22 (10–11): 1283–1316.
- Ganley W. T. 2004. The Theory of Business Enterprise and Veblen's Neglected Theory of Corporation Finance. *Journal of Economic Issues*. 38 (2): 397–403.
- Gorton G., Winton A. 2003. *Financial Intermediation. Handbook of the Economics of Finance*. North Holland: Elsevier.

- Hastings J. S., Shapiro J. M. 2013. Fungibility and Consumer Choice: Evidence from Commodity Price Shocks. *The Quarterly Journal of Economics*. 128 (4): 1449–1498.
- Heath C., Soll J. B. 1996. Mental Budgeting and Consumer Decisions. *Journal of Consumer Research*. 23 (1): 40–52.
- Jappelli T., Pistaferri L. 2010. The Consumption Response to Income Changes. *Annual Review of Economics*. 2: 479–506.
- Kahneman D. 2003. A Psychological Perspective on Economics. *American Economic Review*. 93 (2): 162–168.
- Kahneman D., Thaler R. 1991. Economic Analysis and the Psychology of Utility: Applications to Compensation Policy. *The American Economic Review*. 81 (2): 341–346.
- Kassarjian H. H. 1982. Consumer Psychology. *Annual Review of Psychology*. 33 (1): 619–649.
- Kathuria V., Sabat J. 2020. Is Exchange Rate Volatility Symmetric to Oil Price Volatility? An Investigation for India. *Journal of Quantitative Economics*. 18 (3): 525–550.
- Keister L. A. 2002. Financial Markets, Money, and Banking. *Annual Review of Sociology*. 28 (1): 39–61.
- Konings M. 2011. *The Development of American Finance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kremers R., Brassett J. 2017. Mobile Payments, Social Money: Everyday Politics of the Consumer Subject. *New Political Economy*. 22 (6): 645–660.
- Lamdin D. J. 2008. Does Consumer Sentiment Foretell Revolving Credit Use? *Journal of Family and Economic Issues*. 29 (2): 279–288.
- Lawrence C. J., Mudge S. L. 2019. Movement to Market, Currency to Property: The Rise and Fall of Bitcoin as an Anti-State Movement, 2009–2014. *Socio-Economic Review*. 17 (1): 109–134.
- Malgarini M., Margani P. 2007. Psychology, Consumer Sentiment and Household Expenditures. *Applied Economics*. 39 (13): 1719–1729.
- Nikolić M. 2000. Money Growth-Inflation Relationship in Postcommunist Russia. *Journal of Comparative Economics*. 28 (1): 108–133.
- Pande A. 2014. *Wombs in Labor: Transnational Commercial Surrogacy in India*. New York, NY: Columbia University Press.
- Plater A. P. 2019. Money Talks. *American Journal of Cultural Sociology*. 7 (1): 128–133.
- Rundo F., Di Stallo A. L. (2019) A Review of the Main Issues on the Loan Contracts: Asymmetric Information, Poor Transparency, and Hidden Costs. *Economies*, vol. 7, no 3. Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7099/7/3/91>.
- Schaniel W. C., Neale W. C. 2000. Karl Polanyi's Forms of Integration as Ways of Mapping. *Journal of Economic Issues*. 34 (1): 89–104.

- Sharp L. A. 2000. The Commodification of the Body and Its Parts. *Annual Review of Anthropology*. 29 (1): 287–328.
- Smelt S. 1980. Money's Place in Society. *British Journal of Sociology*. 31 (2): 204–223.
- Smith O., Raymen T. 2017. Shopping with Violence: Black Friday Sales in the British Context. *Journal of Consumer Culture*. 17 (3): 677–694.
- Treleaven P., Brown R. G., Yang D. 2017. Blockchain Technology in Finance. *Computer*. 50 (9): 14–17.
- Wood S. L., Bettman J. R. 2007. Predicting Happiness: How Normative Feeling Rules Influence (And Even Reverse) Durability Bias. *Journal of Consumer Psychology*. 17 (3): 188–201.
- Zelizer V. A. 2017. *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies*. Princeton: Princeton University Press.

Stanislav Pashkov

“Difficult Money”: The Question for the Next Revision of the Nature of Money

Book Review: Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds). (2017). *Money Talks: Explaining How Money Really Works*, Princeton: Princeton University Press. 288 p.

PASHKOV, Stanislav —

Postgraduate Student, Faculty of Social Sciences; Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology; Lecturer, Department of Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: spashkov@hse.ru

Abstract

This book, edited by N. Bandelj, F. Wherry, and V. Zelizer, comprises a series of articles united in a collective monograph; it opens the reader to a multilateral view of the nature of money as a system of meanings and signs, and clarifies the mechanisms of the formation and functioning of financial flows and institutions. Trends associated with the active dissemination of new forms of money that are not tied to a specific financial system, as well as the expanding practice of the consumption of goods and services related to issues of morality and ethics, are becoming relevant. The authors were tasked with revising the conceptual framework for the study of money, and the main goal was to show the principles of the functioning of money in the financial system and, to a greater extent, in the system of social relations. In the book, the conceptual framework is examined in five sections, each of

which provides sociological, cultural, anthropological, and historical perspectives. The authors of 14 chapters illustrate the connection of their theses with the approach of Viviana Zelizer, as outlined in a number of her famous works, and the analysis of money itself is based on the subject of the fungibility of mediums, functions, and meanings (*earmarking*) of monetary units, the understanding of financial accounting by people themselves (*mental accounting*), and the influence of the state on this process. This review aims to define the logic of the presentation of the material in the book in order to better understand the theoretical and empirical principles set forth in the chapters.

Keywords: money; fungibility; financial institutions; earmarking; bitcoin; bank cards.

References

- Ajupov A. A., Kurilova A. A., Kovalenko O. G. (2015) Financial Recovery Organization on the Basis of Cash Flow Management. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no 3, pp. 710–713.
- Antonides G., Groot I. M. de, Raaij W. F. van (2011) Mental Budgeting and the Management of Household Finance. *Journal of Economic Psychology*, vol. 32, no 4, pp. 546–555.
- Appadurai A. (2016) *Banking on Words: The Failure of Language in the Age of Derivative Finance*, Chicago IL, University of Chicago Press.
- Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer V. A. (eds). (2017) *Money Talks: Explaining How Money Really Works*, Princeton: Princeton University Press.
- Clark G. L. (2005) Money Flows like Mercury: The Geography of Global Finance. *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*, vol. 87, no 2, pp. 99–112.

- Elsas R., Krahen J. P. (1998) Is Relationship Lending Special? Evidence from Credit-File Data in Germany. *Journal of Banking & Finance*, vol. 2, no 10–11, pp. 1283–1316.
- Ganley W. T. (2004) The Theory of Business Enterprise and Veblen's Neglected Theory of Corporation Finance. *Journal of Economic Issues*, vol. 38, no 2, pp. 397–403.
- Gorton G., Winton A. (2003) *Financial Intermediation. Handbook of the Economics of Finance*, North Holland: Elsevier.
- Hastings J. S., Shapiro J. M. (2013) Fungibility and Consumer Choice: Evidence from Commodity Price Shocks. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 128, no 4, pp. 1449–1498.
- Heath C., Soll J. B. (1996) Mental Budgeting and Consumer Decisions. *Journal of Consumer Research*, vol. 23, no 1, pp. 40–52.
- Jappelli T., Pistaferri L. (2010) The Consumption Response to Income Changes. *Annual Review of Economics*, vol. 2, pp. 479–506.
- Kahneman D. (2003) A Psychological Perspective on Economics. *American Economic Review*, vol. 93, no 2, pp. 162–168.
- Kahneman D., Thaler R. (1991) Economic Analysis and the Psychology of Utility: Applications to Compensation Policy. *The American Economic Review*, vol. 81, no 2, pp. 341–346.
- Kassarjian H. H. (1982) Consumer Psychology. *Annual Review of Psychology*, vol. 33, no 1, pp. 619–649.
- Kathuria V., Sabat J. (2020) Is Exchange Rate Volatility Symmetric to Oil Price Volatility? An Investigation for India. *Journal of Quantitative Economics*, vol. 18, no 3, pp. 525–550.
- Keister L. A. (2002) Financial Markets, Money, and Banking. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, no 1, pp. 39–61.
- Konings M. (2011) *The Development of American Finance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kremers R., Brassett J. (2017) Mobile Payments, Social Money: Everyday Politics of the Consumer Subject. *New Political Economy*, vol. 22, no 6, pp. 645–660.
- Lamdin D. J. (2008) Does Consumer Sentiment Foretell Revolving Credit Use? *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 29, no 2, pp. 279–288.
- Lawrence C. J., Mudge S. L. (2019) Movement to Market, Currency to Property: The Rise and Fall of Bitcoin as an Anti-State Movement, 2009–2014. *Socio-Economic Review*, vol. 17, no 1, pp. 109–134.
- Malgarini M., Margani P. (2007) Psychology, Consumer Sentiment and Household Expenditures. *Applied Economics*, vol. 39, no 13, pp. 1719–1729.
- Nikolić M. (2000) Money Growth-Inflation Relationship in Postcommunist Russia. *Journal of Comparative Economics*, vol. 28, no 1, pp. 108–133.

- Pande A. (2014) *Wombs in Labor: Transnational Commercial Surrogacy in India*, New York, NY: Columbia University Press.
- Plater A. P. (2019) Money Talks. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 7, no 1, pp. 128–133.
- Rundo F., Di Stallo A. L. (2019) A Review of the Main Issues on the Loan Contracts: Asymmetric Information, Poor Transparency, and Hidden Costs. *Economies*, vol. 7, no 3. Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7099/7/3/91> (accessed September 7, 2020).
- Schaniel W. C., Neale W. C. (2000) Karl Polanyi's Forms of Integration as Ways of Mapping. *Journal of Economic Issues*, vol. 34, no 1, pp. 89–104.
- Sharp L. A. (2000) The Commodification of the Body and Its Parts. *Annual Review of Anthropology*, vol. 29, no 1, pp. 287–328.
- Simmel G. (1999) Filosofiya deneg [Philosophy of Money]. *Teoriya obshchestva* [Theory of Society] (ed. A. Filippov), Moscow: KANON-Press-C; Kuchkovo Pole, pp. 309–383 (in Russian).
- Smelt S. (1980) Money's Place in Society. *British Journal of Sociology*, vol. 31, no 2, pp. 204–223.
- Smith O., Raymen T. (2017) Shopping with Violence: Black Friday Sales in the British Context. *Journal of Consumer Culture*, vol. 17, no 3, pp. 677–694.
- Treleaven P., Brown R. G., Yang D. (2017) Blockchain Technology in Finance. *Computer*, vol. 50, no 9, pp. 14–17.
- Wood S. L., Bettman J. R. (2007) Predicting Happiness: How Normative Feeling Rules Influence (And Even Reverse) Durability Bias. *Journal of Consumer Psychology*, vol. 17, no 3, pp. 188–201.
- Zelizer V. A. (2017) *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies*, Princeton, Princeton University Press.

Received: August 24, 2020

Citation: Pashkov S. (2020) «Neprostyle den'gi»: k voprosu ob ocherednom peresmotre prirody deneg [“Difficult Money”: To the Next Revision of the Nature of Money. Book review on Bandelj, N., Wherry, F. F., Zelizer, V. A. (eds). (2017). *Money Talks: Explaining How Money Really Works*, Princeton: Princeton University Press. 288 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 5, pp. 94–109. doi: [10.17323/1726-3247-2020-5-94-109](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-5-94-109) (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (АМНК)

13–23 апреля 2021 г.

XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», состоится 13–23 апреля 2021 г. Председатель Программного комитета АМНК — научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е. Г. Ясин.

Конференция посвящена широкому кругу актуальных проблем экономического и социального развития страны. Основную часть выступлений на АМНК составляют научные доклады российских и зарубежных учёных. Важной частью программы конференции являются специальные мероприятия, которые проводятся в формате пленарных заседаний и круглых столов с участием членов Правительства Российской Федерации, государственных деятелей, представителей бизнеса, российских и зарубежных экспертов.

В сложившихся эпидемиологических условиях XXI Апрельская конференция прошла в распределённом формате, что означало совмещение различных форм проведения и более длительные сроки проведения. Приём заявок на XXII АМНК был открыт 21 сентября 2020 г. Планируется, что конференция пройдёт 13–23 апреля 2021 г. в смешанном формате и объединит как онлайн-, так и офлайн-мероприятия.

Как и в прошлом году, Программный комитет объявил о конкурсе заявок на поддержку участия в конференции молодых исследователей из вузов российских регионов и Санкт-Петербурга. Приглашаем к участию молодых учёных!

Апрельская международная научная конференция в очередной раз открывает свои двери для академического и экспертного сообщества. Будем рады видеть Вас на пространстве Апрельки!

Порядок подачи заявок на участие в конференции

Требования: доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Программа секций и круглых столов формируется с учетом принятых докладов.

Рабочие языки: русский и английский.

Продолжительность выступлений:

- презентация доклада на сессии: 15–20 минут;
- выступление в рамках круглых столов: 5–7 минут.

Регистрационный взнос: информация об оплате участия в конференции (размер регистрационных взносов, порядок и сроки оплаты) размещена на сайте: <https://conf.hse.ru/2021/fees#pagetop>

Сроки подачи заявок:

- заявку на выступление в качестве докладчика на сессии следует подавать онлайн 21 сентября — 16 ноября 2020 г. через систему регистрации НИУ ВШЭ <http://conf.hse.ru/>
- к заявке должна быть приложена развёрнутая аннотация предполагаемого выступления на русском (для русскоязычных участников) и английском (для всех участников) языках в формате Word или RTF объёмом не менее одной, но не более трёх машинописных страниц каждая, через 1,5 интервала (2000–7000 знаков с пробелами). В аннотации необходимо чётко сформулировать следующие аспекты: рассматриваемая проблема; используемый подход к её решению (в частности, есть ли модель, на которой основан анализ); основные полученные результаты. Следует указать, в чем основная новизна представленных результатов по сравнению с ранее опубликованными. Заявки, не соответствующие указанным требованиям, не будут рассматриваться;
- заявки на участие в конференции без доклада принимаются также онлайн до 22 марта 2021 г.;
- группа авторов, каждый из которых зарегистрирован в системе конференции, может сообщить в Программный комитет о своём желании организовать коллективную сессию. Для этого необходимо до 16 ноября 2020 г. заполнить форму, размещённую на сайте конференции.

Один автор может представить на конференции один личный доклад и не более двух докладов в соавторстве. В рамках отдельной сессии не должно быть более двух докладов, представленных от одной организации. Продолжительность сессии — 1,5 часа. Предложения по формированию сессий рассматриваются Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято до 27 января 2021 г. на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов, после чего на сайте конференции будет опубликована предварительная версия программы конференции.

До 1 февраля 2021 г. будет объявлено о формате конференции: онлайн, офлайн или смешанный.

До 10 февраля 2021 г. авторы докладов, включённых в предварительную программу конференции, должны подтвердить своё участие в личном кабинете системы регистрации. В случае отсутствия подтверждения доклады будут исключены из программы. Авторы докладов, включённых в программу конференции, должны до 12 марта 2021 г. представить слайды презентации на английском языке.

Доклады, включённые в программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в ведущие российские научные журналы по экономике, социологии, менеджменту, государственному управлению, которые индексируются Scopus и (или) Web of Science, входят в список ВАК.

Организационный комитет конференции

Email: interconf@hse.ru